

Кто бы мог подумать, что родной брат императора из вождения к красоте невестки решится на измену и захват престола.

Дворец был залит кровью.

В тот день тела павших заполнили всё вокруг, а воды городского рва окрасились в багряный цвет.

Новый император истребил всех наложниц и детей прежнего правителя, и лишь вдову своего брата заточил в глубине дворцовых покоев.

Позже, вопреки протестам министров, он настоял на том, чтобы провозгласить бывшую королеву своей императрицей, и устроил в честь этого пышную церемонию.

Это событие вызвало бурю негодования как при дворе, так и среди простого люда, но новый государь готов был вырезать любого, кто посмеет перечить его воле.

С тех пор в сердцах народа укоренилась его слава как распутного и жестокого тирана.

Юноша сидел, низко склонив голову над миской с кашей; внешне он был спокоен, но в душе его бушевал шторм.

Прошрое, точно острый клинок, вонзилось ему в грудь, причиняя резкую боль при каждом вздохе.

Все страдания – и его собственные, и его отца – были делом рук того человека.

А его мать теперь каждую ночь разделяет ложе с этим чудовищем.

Как она может смотреть в глаза памяти покойного отца?

Ложка в руках юноши едва не переломилась от яростного нажима. Он ненавидел – ненавидел убийцу и еще сильнее презирал мать, что предпочла бесчестную жизнь смерти.

Будь у него тогда выбор, он ни за что не бежал бы из дворца с кормилицей.

Лучше смерть, но вместе с отцом!

Но его тогда оглушили, зажав рот, и он ничего не помнил до сегодняшнего дня.

Когда с кашей было покончено, Чжао Фан поспешно сунул ему в рот засахаренный фрукт:

— Каша совсем пресная, съешь что-нибудь сладкое.

Застигнутый врасплох, юноша инстинктивно хотел выплюнуть угощение, но, вспомнив о своем плане, пересилил отвращение и принялся медленно жевать. Кисло-сладкий вкус наполнил рот.

Видя, что «пациент» принимает еду из его рук, Чжао Фан не на шутку обрадовался:

— Если нравится, я потом еще принесу.

— Лекарь сказал, что тебе пока можно только жидкую пищу, так что потерпи немного. Как только желудок окрепнет, я приготовлю тебе рыбу.

— Жидкую пищу? — Переспросил юноша.

— Ну, то, что легко переваривается, — терпеливо пояснил Чжао Фан. — Ты сейчас слаб, нужно восстанавливать силы. Как поправишься окончательно, я отведу тебя к твоей ня... к твоей матери.

Чжао Фан чуть было не проговорился, но вовремя прикусил язык и выкрутился.

Судя по лицу юноши, тот ничего не заподозрил. Услышав, что мать уже похоронена, он не проявил особых чувств, лишь замер с отсутствующим видом.

«Бедняга, — невольно подумал Чжао Фан. — ...Тот прохвост-лекарь, видать, и впрямь его до слабоумия залечил».

Тело юноши действительно было истощено: допив лекарство после каши, он тут же провалился в сон.

Лишь через несколько дней тщательного ухода состояние больного улучшилось, однако память к нему так и не вернулась.

Глядя на заторможенного главного героя, Чжао Фан всё сильнее мучился угрызениями совести. Согласно сюжету книги, попав в дом героини, герой за пару лет должен был превратиться в мудрого и сильного молодого господина.

А в его руках...

Просто овощ.

«Я грешен», — каялся Чжао Фан.

Он начал стаскивать в комнату юноши всякую всячину: книги, безделушки и разные диковинные приспособления.

— Это называется «девять неразрывных колец». Поиграй на досуге, если не получится распутать — я научу.

Юноша лишь промолчал.

В такие игрушки он переиграл еще в раннем детстве.

Он нарочно делал вид, что не может справиться с головоломкой несколько дней, зато в отсутствие Чжао Фана успел перечитать все принесенные книги.

Среди них оказалось немало любопытных сборников рассказов, каких он никогда бы не увидел в императорском дворце.

Лишь на десятый день Чжао Фан показал юноше несколько небольших опытов, которые заставили того по-настоящему усомниться в скудоумии слуги.

Он не понимал, по какому закону яйцо всплывает в воде, и не мог взять в толк, как Чжао Фан заставляет бумагу вспыхивать сама по себе.

Юноша долго размышлял над этими загадками, но не хотел первым просить объяснений. Он не верил, что может быть глупее простого слуги.

Вскоре двухнедельный отпуск Чжао Фана подошел к концу, и ему пора было явиться на службу к седьмой молодой госпоже.

Титул в резиденции защитника государства передавался по наследству в династии Великая Цзинь. Прежние поколения породили немало прославленных полководцев и министров, но нынешний маркиз к делам государственным был равнодушен и вместе с супругой большую часть времени проводил в странствиях по стране.

Домом заправляла старая госпожа. У маркиза не было наложниц, а супруга маркиза родила ему двоих сыновей и двоих дочерей.

Старший сын, Шэнь Цзянь, наследовал титул и занимал пост предводителя Стражей порядка. Он вечно был в делах и редко появлялся в поместье.

Второй сын, Шэнь Сюань, был законченным повесой: дни и ночи он проводил в кварталах красных фонарей, ведя праздную и бессмысленную жизнь в роскоши.

Третья молодая госпожа оказалась самой успешной: она попала во дворец и за три года дослужилась до титула благородной наложницы, чем несказанно прославила род маркиза.

Четвертая молодая госпожа была под стать второму брату: один бездельник, другая сорвиголова.

Когда Чжао Фан добрался до внутренних покоев четвертой молодой госпожи, та еще почивала. Он присел у дверей, чтобы перекинуться парой слов со служанками Тао-эр и Син-эр.

Те принялись подшучивать над ним:

— Братец Чжао, не видели тебя полмесяца, а ты прямо сияешь. Какая радость приключилась?

Видя, как они перемигиваются, Чжао Фан понял – добром это не кончится:

— Это те двое подлиз, Цзисян и Фугуй, языками чесали?

Тао-эр и Син-эр прыснули со смеху:

— Когда уже познакомишь нас со своей молодой женошкой?

— Вот-вот, ты хоть знаешь, что Сяньюй все глаза выплакала, когда прознала?

Сяньюй была старшей горничной при четвертой молодой госпоже и пользовалась её особым расположением; госпожа даже поговаривала о том, чтобы выдать её за Чжао Фана.

Тот поспешил оправдаться:

— Всё они врут, и близко такого нет! Я случайно убил мать того мальчишки, он остался совсем один, вот я и приютил его.

Тао-эр ехидно улыбнулась:

— Ох, какой же ты добрый, братец Чжао. Не только приютил, но и заботишься так нежно, что даже рот в дело пошел.

Чжао Фан онемел.

Цзисян, трепло гороховое!

Син-эр добавила с обидой в голосе:

— Говорят, ты ему каждый день ворох игрушек таскаешь, чтобы развеселить. От тебя к нам такого внимания не дождешься.

Шум у дверей разбудил четвертую молодую госпожу, славившуюся своим дурным нравом.

Дверь с грохотом распахнулась.

— Что за гвалт спозаранку?!

— Тао-эр, Син-эр, живо внутрь, помогите мне одеться!

Бам!

Дверь снова захлопнулась.

Одного этого мимолетного взгляда хватило, чтобы Чжао Фан замер как вкопанный.

Проклятье.

Лицо четвертой молодой госпожи...

Оно один в один повторяло лицо его первой любви, с которой он расстался четыре года назад!

Раньше четвертая молодая госпожа не показывалась ему на глаза без прикрас, да и он не вглядывался, но сейчас это сходство всколыхнуло в памяти старую досадную историю.

Без ложной скромности, в прошлой жизни Чжао Фан был образцовым молодым человеком: вежливым, с отличной успеваемостью. В магистратуре у него были все шансы остаться в университете, но место перехватил племянник ректора.

Ладно бы только место, так этот наглец увел еще и его девушку.

Они встречались три года, и прямо на выпускном балу Чжао Фан застукал её с тем типом в туалете.

С тех пор он ни с кем не заводил отношений.

... В этот миг Чжао Фан почувствовал жгучее желание быть пораженным молнией прямо на месте.

Если до этого его переполняла воля к жизни, то сейчас – воля к смерти.

Ну за что ему такая участь?

Пусть это была не та самая женщина, но, видя это лицо, Чжао Фан не мог отделаться от чувства, будто он снова в долгу у бывшей и пашет на неё как проклятый.

Вот уж наказание так наказание!